

ПОЕЗДКА В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

По приглашению Чехословацкой Академии наук я принял участие в конференции чехословацких этнографов, которая происходила 21—23 октября 1953 г. в доме ученых им. Я. Е. Пуркyně в с. Либлице, в 40 км от Праги. Я имел также возможность познакомиться с этнографическими учреждениями и музеями Чехословакии и совершить небольшую поездку по стране.

На конференцию съехалось более 70 этнографов, фольклористов и музейных работников, представлявших этнографический актив страны.

В Чехословакии существует два научных этнографических центра — один в Праге, другой в Братиславе. Это кабинеты этнографии при Чехословацкой Академии наук и при Словацкой Академии наук. Оба кабинета созданы недавно и перед конференцией стояла задача ознакомиться с работой научных этнографических центров и выработать общее направление этнографических исследований на ближайшие годы.

Как и этнографы нашей страны, этнографы Чехословакии работают в настоящее время над многими актуальными темами, имеющими непосредственное значение для социалистического строительства. Среди этих тем ведущими считаются две: 1) этнографическое изучение быта кооперированной деревни и 2) этнографическое изучение быта населения промышленных областей. Кроме того, этнографы продолжают многолетнюю работу по изучению культуры и быта народных масс в эпоху славянского возрождения (в эпоху формирования чешской буржуазной нации), а также по изучению истории народного жилища и народной одежды. На пленарных заседаниях конференции и на секционных заседаниях были обсуждены многочисленные доклады как методологического характера, так и по отдельным проблемам. С такими докладами выступили заведующие кабинетами этнографии д-р Я. Крамаржик (Прага) и проф. Я. Мяртан (Братислава), заведующий филиалом Кабинета д-р К. Фойтык (Брно), редактор журнала «Чехословацкие этнографические исследования» д-р О. Нагодил (Прага), редактор журнала «Чешские этнографические исследования» д-р О. Скалникава д-р Л. Кушч, д-р М. Маркуш, Подолак, Ф. Ванчик, Чаянак, Шейфлер, Рыхнов, доцент Странская (Карловый университет, Прага), О. Сыроватка, Вишпалек, Петира, Шпилька, Врбцова, д-р Б. Барабашова, д-р Свобода, В. Часалова, д-р С. Ковачевичова и др. Я выступил на конференции с докладом «Этнографическое изучение современного сельского быта в СССР» и участвовал в заседаниях секции.

Конференция дала мне возможность ознакомиться не только с проблематикой этнографических исследований, ведущихся в Чехословакии, но и с представителями различных научных направлений. Ведущим направлением в чехословацкой этнографии является марксистское. Это направление, опирающееся в основном на молодые кадры, не только в методологическом отношении, но и численно преобладало на конференции. Противниками этого направления, число которых на конференции было значительно меньше, были «фактологи». Под такой кличкой известны здесь позитивисты, утверждающие, будто только они изучают факты (чего якобы не делают марксисты). Демократическая молодежь, окончившая чехословацкие университеты в последние годы или получившая образование в СССР, хорошо владеет марксистской методологией, среди нее много членов коммунистической партии и комсомола. Придя в научно-исследовательские институты, эта молодежь отстаивает марксистскую методологию и борется с пропагандой буржуазных формалистических методов, с антимарксистским направлением научной деятельности «фактологов». Отсюда и столкновения, имевшие место и на конференции в достаточно острой форме. Молодежь критиковала также руководство Кабинета этнографии в Праге за недостаточно активную роль в отношении координации и направления исследовательских работ в этнографических учреждениях страны. То, что молодые ученые, являющиеся основной научной силой в этнографических кабинетах обеих академий (в Праге и Братиславе), четко представляют себе методологические принципы и ближайшие организационные задачи этнографической науки, дает основание надеяться на хорошие перспективы дальнейшего развития этнографии в Чехословакии.

По окончании конференции я ознакомился с постановкой научно-исследовательской работы в Кабинете этнографии Чехословацкой Академии наук, осмотрел Этнографическое отделение Народного музея, Напростков музей (музей этнографии внеевропейских стран), и, по предложению научных работников, выехал на места их полевых этнографических исследований.

К северу от Праги, в промышленном Кладненском районе, этнографы изучают быт рабочих-горняков в поселках возле с. Брандски. Поселки эти как по времени своей постройки, так и по быту представляют собою различные эпохи. Старые рабочие колонии, выстроенные капиталистами для шахтеров в конце XIX в., состоят из небольших домишек, сгруппировавшихся вдоль тракта на пустыре. Более новый поселок, начала XX в., состоит из улиц, застроенных однотипными двухквартирными одноэтажными домами. Дворы при этих домах так малы, что рабочие семьи предпочитают проводить свободное время не во дворе, а на улице перед дверьми дома. Дома арендовались рабочими у предпринимателей, причем очень многие рабочие семьи, чтобы иметь возможность покрывать квартирную плату, принуждены были сдавать углы холостым рабочим. Поэтому заселенность этих домов была очень велика. Каждая квартира состояла из одной-двух небольших комнат и кухни. До постройки поселка рабочие жили у

соседних крестьян, снимая у них комнаты и углы. Одно из таких селений, в котором в настоящее время организован сельский кооператив, находится рядом с рабочим поселком. Между этим селением и рабочим поселком, расположенным вдоль большого шоссе, строится теперь (частично дома уже заселены) новый рабочий поселок. Просторные каменные дома, открытые квадратные дворы при них — чисто, светло и удобно. Во дворах пока еще нет зеленых насаждений. Но чехи очень любят цветы, деревья и, несомненно, разведут цветники, садики и небольшие огороды подле новых домов. Быт всех этих поселков изучается в настоящее время этнографами.

В Чехии я не видел хуторов и отдельных стоячих усадеб — преобладающей повсюду формой поселения является деревня, но особого типа: чешские деревни — это маленькие городские поселки. Те же кирпичные оштукатуренные и окрашенные (главным образом в темножелтый или оранжевый цвет) одноэтажные дома, как и в городских пригородах промышленных центров. Широкие одностворчатые («модерные») окна, двустворчатые ворота, запертые внутренним дверным замком, в самом центре дома, одна из сторон которого расположена вдоль улицы. Сплошная стена домов, кончающаяся лишь на перекрестках. На небольших центральных площадях — церковь, несколько магазинов, аптека, склады (в настоящее время — склады сельского кооператива). Поодаль — «Культурный дом». При въезде и выезде — «гостиница», т. е. деревенская харчевня. Когда подъезжаешь к какому-либо промышленному центру, таких селений становится все больше, и, наконец, они незаметно переходят в пригороды.

В Чехословакии прекрасные дороги, асфальтированные шоссе, автостреды. Очень развито автомобильное и автобусное сообщение, всюду много мотоциклистов, а в селениях — велосипедистов. Нередко можно видеть на велосипеде даже старых женщин, едущих в лавку или из лавки с корзинкой. По дорогам всюду посажено много фруктовых деревьев. На некоторых из них висят какие-то кисточки, сделанные из маленьких прутьев. Это знаки собственности. Деревья эти принадлежат отдельным лицам, в то время как остальные фруктовые деревья, высаженные вдоль шоссе и проезжих дорог, принадлежат государству. Каждую осень урожай с деревьев снимается близлежащей общиной и сдается государству.

При поездке мне пришлось наблюдать охоту на зайцев: группа охотников, человек 20, шла с собакой по полю, вытянувшись цепочкой. Зайцев бить можно только организованно, участвуя в таких групповых охотах; за день группа убивает много дичи и сносит все в определенное место. Добыча сдается государству, но участники охоты пользуются привилегией получить по одному зайцу по заготовительной цене. Неорганизованная охота и, в особенности, хищнические методы охоты строго преследуются.

Как в самой Праге, так и в других городах и селениях большинство девушек ходит в бродяках или спортивных костюмах. В такие костюмы одеты и дети. Было еще тепло, и молодежь ходила с открытой головой, но в деревнях девушки и в особенности замужние женщины прикрывали голову цветным платком, завязанным под подбородком. Идя на работу или с работы, крестьянки надевают цветной передник. Костюм рабочего, повидимому, повсюду одинаков — темная блуза, кепка с небольшим козырьком или черный берет; такими я видел рабочих и в пригородах Праги, и в Пльзене, и на стройках Словакии.

В одном месте сельское население оказалось одетым необычно для чешской деревни — это был Горшовский Тын, селение, находящееся примерно в 10 км от баварской границы. Был воскресный день, когда мы въезжали в это селение; на улице гуляло много девушек и девочек-подростков, и все они были одеты в яркие народные костюмы, сшитые главным образом из ситца и других набивных тканей. Здесь живут ходы. Это этнографическая группа чешского народа, образовавшаяся в период борьбы с немцами в позднем средневековье. Пограничному чешскому населению государство предоставило ряд льгот, освободило его от многих повинностей, но обязало нести караульную службу, охраняя границу от немцев. Вначале это было скорее сословие свободных пограничных крестьян, но с течением времени ходы (название объясняют тем, что они «ходили» вдоль границы — так ли это, выяснить не удалось), подобно нашим казакам, обособились от остальных чехов и образом жизни, и обычаями, и одеждой. Свообразная жепская одежда сохраняется у ходов до наших дней. Ходы-мужчины по своей одежде теперь ничем не отличаются от остальных чехов. У ходов имеются некоторые отличия от чехов и в пище.

Среди ходов, которые являются в Горшовском Тыне старожилками, в усадьбах бывших немецких колонистов живут теперь возвратившиеся с Волыни (Украинская ССР) чехи. Прожив в течение нескольких поколений среди украинского населения, волыньские чехи многое переняли от украинцев (в фольклоре, танцах, пище и т. п.). Сходами на первых порах они не очень ладили, и только после создания сельских кооперативов, в которых оказались и ходы и чехи с Волыни, ладилось братское содружество двух этнографических групп одного и того же народа.

В Чехословакии существуют три основных типа кооперированных сельских хозяйств. К первому типу кооперативов относятся товарищества по совместной уборке урожая — это простейший тип временного объединения, на период полевых работ. Ко второму типу относятся товарищества по совместной обработке земли, к третьему типу — сельские кооперативы, соответствующие нашим сельскохозяйственным артелям. Кооперативов третьего типа меньше, чем двух первых, причем в Чехии их больше, чем в Словакии: в этом, вероятно, сказывается влияние пролетарской прослойки среди на-

селения. Там, где пролетарская прослойка выше (как в Чехии), кооперативное движение развивается быстрее и в более совершенных формах. Кроме сельских кооперативов, существуют крупные государственные хозяйства, расположенные в разных областях страны.

От Горшовского Тына, быт населения которого изучается группой этнографов из Праги, мы проехали в г. Домажлицы — старинный городской центр ходского населения. По постановлению чехословацкого правительства Домажлицы превращены в город-музей. Городской центр сохраняется в том виде, какой он имел в XVII в., — те же здания, та же архитектура, те же улицы. Запрещено переделывать и модернизировать все строения, отнесенные к историческим памятникам, — их только сохраняют и реставрируют. Благодаря этому можно видеть часть укреплений города, старинные торговые ряды, дома бюргеров, ремесленников, торговцев, ходить по площади и узким улочкам, заходить в дома с толстыми каменными стенами и высокими черепичными крышами. Быт позднего средневековья оживает перед посетителем не только на улицах города, но и в местном краеведческом музее. В музее находится несколько макетов XVI, XVII и XVIII вв., изображающих «Вифлеем». Богомольные мастера-ремесленники, выполняющие какой-либо «обет богу» (в виде расплаты за свои «грехи»), иногда в течение десятилетий работали над такими макетами. Пытаясь воссоздать библейских «волхвов», наивные мастера-художники самым детальным образом в тщательно обработанных фигурках воспроизводили жителей своего города, с их профессиональными занятиями, одеждой, жилищем. В каждом таком макете сотни отдельных фигур, и все они являются реалистичным изображением современных этим мастерам персонажей. Это редчайший памятник городского средневекового быта, документальный памятник эпохи.

В Домажлицком краеведческом музее собраны редкие экспонаты по истории ходов, их борьбы с немецкими феодалами; XVIII в. представлен прекрасными коллекциями оружия, ремесленными изделиями; XIX в. — одеждой, вышивками и предметами домашнего быта. Наиболее запоминаются образцы художественной ходской вышивки цветной гладью по черному фону — оригинальное и специфически ходское искусство: спутать ходские вышивки с вышивкой какого-либо другого народа трудно, настолько они выделяются манерой исполнения и расцветкой.

В этом небольшом музее, весь штат которого состоит из заведующего и хранителя фондов, мне пришлось впервые в чехословацких музеях видеть последовательно проведенный социальный принцип в экспозиции. Экспонаты подбираются обычно или по их художественному значению, или по принципу исторической документальности. Но так как собирателями в Чехословакии были раньше главным образом искусствоведы, а многие коллекции попали в музей в виде подарков от частных лиц — любителей народного искусства, то краснота все-таки обычно преобладает здесь над исторической правдой. Это больше всего чувствуется в тех случаях, когда музей пытается дать картину народного быта — тогда для отражения этого быта не хватает соответствующих экспонатов, и дается, по существу, лишь праздничный быт, да и то быт крестьян. Жизнь крестьян в будни, быт бедноты не попадают в музейную экспозицию. Совсем не то в Домажлицком музее — здесь представлен и праздничный, и будничный быт ходской деревни, быт ее зажиточных слоев и быт бедноты. В этом большая научная заслуга работников музея, создававших его экспозицию.

К сожалению, фонды музея не пополнялись уже в течение десятка лет, и потому быт современной кооперированной деревни в музейной экспозиции пока отсутствует.

На обратном пути в Прагу мы заехали в г. Пльзень и посетили городской музей. Это типичный музей бюргерства, представляющий буржуазный быт XVIII—XIX вв., но среди его документальных экспонатов (музей размещен в доме богатой бюргерской семьи) обращает на себя внимание «черная кухня» — закопченная кухня-камин, существовавшая в этом богатом доме еще до половины XIX в. Кухня эта по типу аналогична тем громадным каменным сооружениям, которые существовали еще в начале XX в. в богатых усадьбах курземских крестьян в Латвии (так называемые «майтель-курстенис») и, как я установил во время своей поездки по Чехии и Словакии, во многих местах северной, близкой к Польше области — иногда в виде живого экспоната (в с. Брандиски под Прагой), иногда же только в памяти современного поколения (в северной Словакии).

Моя поездка по Словакии началась от Братиславы. Основной целью поездки был Словацкий народный музей в г. Мартине, поэтому в селениях по дороге мы почти не останавливались. Ехали мы на северо-восток, почти параллельно реке Ваг. Эта многоводная, быстрая и порожистая горячая река содержит громадные энергетические ресурсы, использовать которые можно будет полностью лишь после того, как будут построены крупные гидроэлектростанции, которые дадут ток промышленным предприятиям. Некоторые гидростанции уже вступили в действие, другие строятся. Строятся и промышленные предприятия — их очень много. И если, проезжая по дорогам Чехии, мы видели везде строительные леса, опалубки, котлованы, то в Словакии картина всенародной стройки была еще более мощной. Отсталая в прошлом, аграрная Словакия быстро индустриализируется. Строятся гидростанции, железные дороги, фабрики и громадные заводы, строятся целые города, поселки, расширяются и обновляются старые селения. На фоне этой социалистической индустриализации особенно архаично выглядят каменные кресты на околицах, статуи святых на площадях селений, вместительные костелы. Но все это уходит в прошлое. Новое уже пробилось к жизни — это «дома культуры»

в деревнях, сельские советы, громкоговорители на улицах, помещения сельских кооперативов.

От Братиславы словацкие селения постепенно меняют свое лицо. Вначале это тот же тип селения, что и в Чехии,—кирпичные дома, стоящие вдоль улицы, сплошная стена одноэтажных домов с запертými наглухо воротами. Те же одностворчатые «модерные» окна, та же оранжевая и желтая окраска. Но по мере продвижения к северу тип селений начинает меняться. Во-первых, меняется окраска домов — вместо оранжевого цвета появляется белый и синий, становясь потом преобладающим. Во-вторых, кирпичные дома обращены к улице своим узким фронтоном, и сплошная стена разрывается щелями длинных дворов. Дворы эти закрыты со стороны улицы воротами. Потом появляются срубные дома, оштукатуренные и окрашенные в синий цвет. Наконец, их вытесняют срубные неоштукатуренные строения, а во дворах исчезают ворота. Это уже в северной части страны, где живут «горали» — горцы. Ближе к крупным городам (Тренчин, Жилина, Мартин, Прешов, Кошица) селения вновь обретают «модерные» окна, оранжевую штукатурку, но по мере удаления от этих промышленных или административных центров лицо селений снова меняется. В восточной Словакии, особенно в районах, заселенных украинцами, совершенно своеобразны и тип селений, и тип домов — это срубные жилища с высокой крышей, некрашенные и неоштукатуренные, с большими квадратными дворами, расположенными вдоль улицы.

В районах, заселенных «горальями», у многих домов нет дымовых труб — дым из печей выпускается под крышу. И хотя ведется борьба с таким архаическим способом отопления, вызывающим частые пожары, крестьяне упорно сопротивляются модернизации дымоходов, утверждая, что дым, идущий на чердак, обогревает сверху все жилое помещение.

Малоземелье и дороговизна приусадебной земли в селениях вызывали во многих районах Словакии своеобразное развитие жилых домов. Мы видели длинные дома, в которых расположены в последовательном порядке жилые помещения четырех (в настоящее время не родственных) семей, затем — хлевы, конюшни, амбары и клетки, сарай всех этих (каждой в отдельности) семей, — и все это под одной общей крышей. Это — результат происшедшего некогда дробления больших неразделенных семей: для каждой новой семьи делалась пристройка, и дом все удлинялся. Строить новый дом отдельно было нельзя из-за отсутствия усадебной земли. Иногда дом делился не только путем удлинения, но и путем продольного разреза. Такие двойные длинные дома имеют не один, а два длинных двора с каждой стороны дома. Опрос жителей показал, что все эти дома сравнительно недавнего происхождения, и утверждение будто они являются пережитками «длинных общинных домов» родового строя не имеет под собой никакой почвы.

Почти во всех словацких домах устье печи находится в сенях, а туловище ее — в хате. При модернизации печного отопления к печи пристраивается плита, и дымоход выводится на самую крышу — делается дымовая труба. Это первый этап модернизации, ограничивающийся лишь самой печью. Жилое помещение по-прежнему делится на сени и расположенные вдоль сеней жилую хату и комнату, имеющие сообщение лишь с сенями. Повышение культурного уровня, быстро растущего у словацких крестьян после установления народно-демократического строя, привело к дальнейшей модернизации жилого дома: сени превращаются в кухню, туда переносится целиком печь, в комнате остается лишь одна ее сторона для обогрева (иногда пристраивается обогревательный щиток или ставится небольшая обогревательная печка-мазанка или чугунная печь); затем комора превращается в комнату-спальную с особой обогревательной печью (или без нее, а лишь с обогревательным щитком от плиты) и соединяется дверями уже не с сенями, а с жилой хатой, которая становится или парадной комнатной, или спальней для молодой пары. Старики в таких случаях живут в кухне, где стоит также обеденный стол для всей семьи. Таких модернизированных жилищ мы видели немало; видимо, по этому пути пойдет приспособление жилища до той поры, пока повышение зажиточности кооперированного крестьянства не даст возможности строить новые многокомнатные дома.

Внутренний вид крестьянского жилища в Словакии неодинаков. У менее зажиточных сохраняются неподвижные лавки, единственная деревянная кровать для главы семьи и хозяйки, самодельная мебель — столы, сундуки, табуреты. У более зажиточных или семей с более высоким культурным уровнем (сельская интеллигенция, местные активисты и проч.) имеется городская мебель, деревянные лакированные кровати, швейные машины, радиоприемники, хорошая посуда и т. д. Но Словакия только еще стала на путь социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, и полная перестройка материального быта всего народа не может произойти, пока перестройка народного хозяйства не завершена. Население героически строит промышленную базу, переделывает сельское хозяйство, преодолевая при этом ожесточеннейшее сопротивление своих классовых врагов. Мне пришлось беседовать с крестьянами в разных селениях: они полны веры в свое будущее, хотя трудностей еще много и они кажутся на разных сторонах крестьянского быта.

Вместе с постепенным изменением типов застройки селений и типов жилых домов менялся у нас на глазах по мере продвижения на северо-восток и восток народный костюм. Ближе к Братиславе крестьяне носят то же платье, что и горожане. Но вскоре стали попадаться цветные платочки на головах молодых женщины и темные — на го-

ловах пожилых; затем появились передники как непременная часть женского одеяния; потом перед нами предстали все более своеобразные народные костюмы женщин, девушек, детей. Мужчин в старых народных одеяниях мне видеть не пришлось, за исключением костюмов нескольких подростков, участвовавших в художественной самодельности в Доме культуры с. Выходне. Это не значит, что мужчины не ходят в таких костюмах — просто мне они не попадались.

Громадный Словацкий народный музей в г. Мартине — древней столице Словакии — имеет очень богатые этнографические фонды и не менее богатую развернутую экспозицию. Во всей Чехословакии нет ни одного этнографического музея, который мог бы соперничать с ним в отношении количества экспонатов. Во время моего посещения происходила перестройка экспозиции этого музея, и значительное число зал не было закончено. Прекрасно представлена в музее материальная культура словаков: сельскохозяйственные орудия, лесные промыслы, гончарство, стекольный промысел, обработка металлов (в частности, дратарство — изделия из проволоки) и проч., но богатое всего фонды по одежде и тканям. Однако экспозиция (приходится судить по старой экспозиции, так как новая не была закончена) методологически повторяла буржуазно-искусствоведческий подход к народному костюму — выставлен был лишь праздничный (да притом еще исключительно новый, неносенный) костюм, размещенный так, что представление о смежных типах терялось. Экспозиция по народной одежде не дает возможности представить народный быт таким, каким он был или каким он является в настоящее время. Если верить этой экспозиции, то словацкий народ только тем и занимался, что праздновал и веселился. Так же антиисторически представлено в музее народное жилище: жилище богатых людей, даже очень богатых, подменяет собою в этой экспозиции жилище словацких крестьян.

В этом музее, как и во многих других чехословацких музеях, очень мало научных работников. Исследовательской работы эти музеи, за малым исключением, почти не ведут, своих полевых экспедиций не имели в течение многих лет. В методологическом отношении, насколько мне пришлось знакомиться с этой стороной музейной работы, этнографические музеи Чехословакии несколько отстают от общего уровня развития этнографии в этой стране. Однако большие и глубокие традиции этнографического собирательства, традиции изучения народной жизни так велики в Чехословакии и так сильны среди новой народной интеллигенции интерес к познанию народного быта, что можно ожидать в ближайшие же годы расцвета не только научно-исследовательской работы в академических учреждениях, но и воссоздания широкой корреспондентской этнографической сети, а следовательно, и расширения собирательской работы. Это даст новую базу для музейной экспозиции.

После города Мартина мы остановились на один день в Пряшове и выезжали в украинское село Варатка на северо-востоке страны, в Ондавской Верховине. Мы заходили в несколько домов, посетили крестьянина-активиста, вернувшегося после второй мировой войны из Канады. Это передовой человек, коммунист, и в домашнем быту его, в отношении к близким, старикам-родителям, детям, внукам, к соседям, так много тепло и хорошего, что об этом посещении у меня сохранилось лучшее воспоминание. Дом, в котором он живет, перестроен внутри — в нем две комнаты, кухня, все это отделано масляной краской, блестит чистотой, полы покрыты цветными половниками, на стенах рисунки, репродукции картин. Удобная, хорошо отделанная мебель, у каждого члена семьи отдельная, иногда красиво застланная кровать. Радиоприемник, когда мы пришли, был поставлен на Москву и встретил нас русской песней, исполняемой Лемешевым.

В г. Кошице, последней остановке моей на территории Словакии, я ознакомился с экспозицией Исторического музея. Этнографические фонды этого музея крайне немногочисленны, музей находится еще в стадии формирования, в исторической экспозиции много пробелов. Обогащение как чисто исторической, так и, в особенности, этнографической экспозиции этого музея является непременным условием его дальнейшего роста. Очень хороши в то же время экспонаты музея по палеолиту и неолиту — это результат исследовательской работы самих работников музея, сумевших осуществить в последние годы ряд важнейших раскопок.

Когда едешь по Чехословакии, видишь, как много может сделать здесь этнограф для социалистической перестройки быта, в особенности сельского быта. Чехословацкие этнографы уверенно и смело перестраивают направление своих исследований, изучают современность. При этом они стараются использовать наш положительный опыт и избежать допущенных нами ошибок. Для того чтобы быть постоянно в курсе изысканий советских исследователей, этнографы Чехословакии следят за нашей этнографической литературой, переводят и помещают в своих журналах наши статьи. Само приглашение меня на конференцию в Либлицах было вызвано желанием ближе познакомиться с методологией советских исследований. Советская наука пользуется в Чехословакии большим авторитетом, и это должно заставить нас, советских этнографов, в своей научно-исследовательской работе особенно тщательно применять марксистско-ленинскую методологию, охраняя ее от всяких попыток вульгаризации и упрощенчества. Проблемы, на разрешение которых направлены наши изыскания, актуальны не только для нас: если для СССР это настоящий день, то для Чехословакии и других стран народной демократии это самое ближайшее будущее.

П. И. Кушнер